

Харитонов Виктор Захар.
арт. Каз. ССР, драм. т-р. оперы и балета, чл. СбСР.

ЭТО СЛОВО впервые прогремело на заснеженных полях Подмосквья, озаренных тревожными сполохами фронтовых пожаров. И с тех пор оно прочно вошло во все военные энциклопедии мира, в книги и кинофильмы, в песни, сказания и легенды.

Панфиловцы — солдаты из Казахстана и Киргизии — на смерть стояли на столичных рубежах. Их девизом сделались крылатые слова, сказанные политруком Василием Клочковым в бою на разъезде Дубосеково: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!». И гвардейцы не пропустили фашистов к сердцу Родины.

Сегодня мы рассказываем о трех панфиловцах, участниках незабываемых боев под стенами столицы.

АРТИСТ

Виктор Захарович Харитонов вынимает из шкатулки, где хранятся ордена и медали, маленький кусочек свинца. Тусклый, с синеватым отливом. Решительно ничем не приметный.

— Удивляетесь, за что ему такая честь? — угадав мое недоумение, спрашивает он. И, посуровев, поясняет: — Этой пулей я был ранен под Москвой. Врач, извлекая ее из полости живота, назвал меня счастливецом: пройди пуля еще на миллиметр глубже — и операция оказалась бы ненужной. Я и берегу, как память о войне, эту «счастливую» пулю...

Артист оперного театра Харитонов не имел никакого отношения к армии. По слабости здоровья его даже на действительную не призвали. Наверное, он так бы и не испытал солдатской жизни, если бы не война.

...Когда в июле 1941-го генерал И. В. Панфилов приступил к формированию дивизии в Алма-Ате, артист сам явился в военкомат.

Дивизия выехала на запад. На Волоколамском шоссе началась первая и, пожалуй, самая трудная глава ее фронтовой биографии.

Фашисты по приказу Гитлера перешли в генеральное наступление, стремясь пробиться к Москве до наступления больших холодов. Враг шел по трупам своих солдат, не считаясь ни с какими потерями.

С утра на позиции батальона капи-

тана Булатова, у села Новинки, что неподалеку от Волоколамска, обрушился шквальный огонь. Снаряды и мины поднимали высокие черные султаны мерзлой земли. Казалось, все живое было подавлено и разметано огненным вихрем. В такой обстановке крайне важно было ни на минуту не потерять управления батальоном.

Внезапно телефон замолчал. Видимо, снаряд или мина порвали «нитку».

— Харитонов, — крикнул капитан, — на линию!

Младший сержант вскочил на бруствер окопа и, пригибаясь под тяжестью катушки, побежал вперед. Поминутно в непосредственной близости от него рвались снаряды и мины, и Харитонов стремительно падал и прижимался к земле. Наконец он нашел обрыв и восстановил связь.

Минут через десять вражеский снаряд опять повредил линию. И снова Харитонов бежал туда, где неистовствовал огненный смерч...

На фронте было принято говорить, что нельзя испытывать судьбу дважды. А вот младшему сержанту Харитонову в тот день пришлось четырежды восстанавливать линию связи.

После боя капитан Булатов сказал ему:

— Ну, Харитонов, жить тебе долго. Помни мое слово: будешь еще петь в Алма-Ате! А я побываю на твоих спектаклях.

И, правда, Виктор Захарович прошел всю войну. Победу встретил на австрийской земле. А потом — возвращение в родной Казахстан и любимый театр.

За десятилетия творческой деятельности заслуженный артист Казахской ССР В. Харитонов спел, должно быть, не менее 100 различных партий. Бартоло в «Севиальском цирюльнике», Скула в «Князе Игоре», Пимен в «Борисе Годунове», Фрол Бавев в опере Т. Хренникова «В бурю»...

— А как же насчет пули? — показываю я на маленький кусочек свинца.

Ранили Виктора Захаровича в подмосковном поселке Мазуры. Это случилось незадолго до нашего декабрьского контрнаступления и разгрома фашистов под Москвой. С тех

ПАНФИЛОВЦЫ

В. Харитонов.

М. Габдуллин.

Е. Колокольников.

пор пуля эта и стала своеобразной реликвией для В. Харитонova.

УЧЕНЫЙ

Малик Габдуллин в 1941-м закончил аспирантуру Алма-Атинского педагогического института. Ему предстояло защищать диссертацию по героическому эпосу казахского народа. Вместо диссертации нужно было защищать Родину. Коммунист Малик Габдуллин стал политруком роты автоматчиков Панфиловской дивизии.

Политрук... Все, кому довелось шагать по фронтовым дорогам, знают, какую суровую и почетную должность доверила партия политрукам. Они последними отходили с пылающей границы в июне 1941-го и первыми поднимались в контратаки под Сталинградом в августе и сентябре 1942-го. Это они личным примером отваги и мужества увлекали бойцов при форсировании Днепра летом 1943-го.

Трижды прав Николай Тихонов, написавший в замечательной поэме «Слово о 28 гвардейцах» такие проникновенные строки:

Хвала и честь политрукам,
Ведущим армию к победе,
В бою, в походе и в беседе
Сердца бойцов открыты вам.

Вот и Малику Габдуллину в ожесточенных сражениях под Москвой открывались золотые сердца панфиловцев — людей безграничной храбрости и широкой души. Разве забыть ему боевых товарищей, с которыми не раз совершал дерзкие налеты на укрепленные пункты фашистов, — Есбатыра Ермекова, Иосифа Галько, Инкарболу Имамбекова, Григория Бахонина?..

Путь одних навсегда оборвался на снежных полях Подмосквья, других — затерялся в кипящей коловрте войны: в яростных атаках на безымянных высотах,

в полевых лазаретах и госпиталях... Малик Габдуллинович на минуту задумался, а потом продолжил рассказ.

В конце ноября 1941 года автоматчики роты совершили налет на деревню Красильниково и освободили ее от фашистов. В одном из домов гвардейцы обнаружили четырехлетнего мальчика. Чистая случайность спасла ребенка от фашистских головорезов, зверски убивших его мать. Автоматчики накормили и приласкали малыша. Но что же делать с ним дальше в прифронтовом селе? Комиссар полка Мухамедьяров посоветовал отвезти Вову в Москву.

Политрук Малик Габдуллин привез ребенка в один из детприемников столицы. На вопрос, как звать малыша, он ответил:

— Владимир Александрович Гвардейцев.

...Несколько лет назад в Алма-Ату, в Академию наук Казахской ССР, на

имя руководителя отдела текстологии и рукописей, доктора филологии М. Г. Габдуллина пришло письмо от молодого офицера Владимира Гвардейцева. Юноша сообщал, что только после окончания военного училища ему удалось узнать по запросам свою историю. И он теперь пишет своему спасителю...

— Вот вам одна из страниц эпоса Отечественной войны, — говорит Герой Советского Союза Малик Габдуллинович Габдуллин.

ХУДОЖНИК

Кабинет, в котором работает художник комбината «Алмаатагорформление» Евгений Михайлович Колокольников, напоминает штаб. На стенах висят планы районов столицы Казахстана, всевозможные схемы, эскизы. Звонит телефон, приходят люди — всем надо дать советы, рекомендации, распоряжения.

Если вдуматься, этот кабинет и впрямь является штабом, организующим наступление красоты на улицы и площади города. А что касается самого художника, то тут аналогия полная: Колокольников в годы войны был офицером штаба Панфиловской дивизии.

Память Евгения Михайловича, натренированная штабной работой, хранит массу подробностей и деталей. Он безошибочно назовет, когда и в каких боях участвовала дивизия, какой полк находился на левом или правом фланге и кто им тогда командовал. Но Колокольников рассказывает совсем о другом.

— Когда теперь, — говорит художник, — я задумываюсь над тем, что же было характерного в боях под Москвой, то прихожу к одному — это решимость каждого отстоять любой ценой столицу и массовый героизм.

Художник вспоминает встречу генералов К. К. Рокоссовского и И. В. Панфилова недалеко от деревни Кашино, при которой ему посчастливилось присутствовать. Командарм поинтересовался боевой выучкой и моральным духом полков, прибывших из Казахстана. Генерал Панфилов ответил с глубокой убежденностью:

— Драться будут не на жизнь, а на смерть.

Слова эти оказались пророческими. Подвиг 28 гвардейцев у разъезда Дубосеково известен всему миру, запечатлен в бронзе и граните. Но многие ли слышали о бое в деревне Строково?

...Под натиском врага один из полков дивизии вынужден был отойти на новый рубеж. Одиннадцать солдат-саперов остались в Строкове, чтобы заминировать подходы к населенному пункту. Фашисты ворвались в село. Завязался неравный бой. Одиннадцать панфиловцев до последнего патрона бились с сотнями гитлеровцев. Обессиленных и окровавленных героев враги подвергли жестоким пыткам и предали мученической смерти. Упорное сопротивление саперов сковало крупные силы фашистов и позволило нашему полку сменить боевой рубеж.

Дивизия вела труднейшие бои. Однако сознание великой ответственности за судьбу Москвы и Родины поднимало тысячи людей почти на невозможное и немислимое.

В этой труднейшей обстановке генерал И. В. Панфилов не терял духа и бодрого настроения. Старый чайновец, он был верен традиции гражданского героя — на фронте нельзя жить без песни. Иван Васильевич любил в редкие часы затишья согреть душу хорошей песней. В такие моменты он вызывал к себе офицера Колокольникова, игравшего на мандолине. Пели «Ермака», популярный тогда «Синий платочек» и другие песни...

Опять белые снега одели землю Подмосквья — Новинки, Мазуры, Красильниково, Крюково. Опять гудит Волоколамское шоссе, но теперь не от танков, тягачей и орудий, а от тысяч мирных автомашин.

Далеко от Москвы живут и трудятся бывшие панфиловцы. Но горд-герой, праздную 25-летие разгрома фашистских полчищ, помнит своих верных сынов — павших и живых.

Б. ШАХОВИЧ,
соб. корр. «Советской культуры».
АЛМА-АТА.